

постановления институт приставства упразднялся, а вместо него вводилась попечительская система. В задачу попечителей входило повседневное руководство делами по управлению калмыцким народом, наблюдением и охраной порядка.

Высшим должностным лицом являлся астраханский военный губернатор, обладавший широкими полномочиями. В системе высших областных органов управления особое место занимал Совет калмыцкого управления, который являлся исполнительно-распорядительным органом.

Суд Зарго, согласно Положения, был высшей судебной инстанцией по гражданским и уголовным делам, решения которого могли быть обжалованы только в правительствующем Сенате.

Положение 1834 г. подробно регламентировало права и обязанности владельцев, правителей, зайсангов, старшин, запрещало продавать или дарить подвластных им калмыков. Было регламентировано административное устройство Калмыкии в составе семи улусов, которые делились на казенные и владельческие и была определена правовая основа Калмыцкой степи и калмыцкого народа.

23 апреля 1847 г. вышло «Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом», согласно которому Калмыкия оставалась в системе Министерства государственных имуществ (вошло в МГИ в 1838 г.), Главное Зарго и Ламайское Духовное правление ликвидировались [2, с. 187]. Впервые калмыки-простолюдины могли участвовать в органах местного самоуправления - улусных

и аймачных сходах, на которых обсуждались выборы лиц на общественные должности и т.д.

Положение официально закрепило статус и обязанности калмыков-простолюдинов: каждая семья обязывалась платить 8,15 рублей серебром в год, нести натуральные повинности – выделять подвод, нести кордонную службу и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 75 лет происходит изменение правового статуса калмыцкого народа, которое выражалось в административном, правовом, политическом закреплении. Перевод Калмыцкой степи и калмыцкого народа из ведения Коллегии иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел говорит о том, что российское правительство воспринимает Калмыкию как субъект, как внутреннюю область страны на территории и на население которой должны распространяться общеимперские законы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста, 1990. С. 22–23.
2. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. С. 159–160.
3. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М., 1967. С. 222.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19599.

ББК 63.3(2)612

КОННЫЕ ЧАСТИ ГОРЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В БЕЛОЙ АРМИИ (1918 – 1920 гг.)

У.Б. Очиров

Статья посвящена истории формирования и боевому пути осетинских, вайнахских, дагестанских и ногайских конных полков и эскадронов Белой армии в период Гражданской войны 1917 – 1920 годов. Работа в значительной степени базируется на недавно рассекреченных материалах Русского зарубежного исторического архива.

Ключевые слова: история военных формирований, национальные полки, Гражданская война, народы Северо-Восточного Кавказа.

The article is devoted to the history of the shaping and combat way of Ossetian, Vaynakh, Dagestan and Nogai's cavalry regiments and squadrons of White army during Civil war 1917 – 1920. The paper is based on a considerable extent on recently declassified materials of the Russian foreign history archive.

Keywords: history of the military units, national regiments, Civil war, peoples of north-eastern Caucasus.

С началом Гражданской войны Северо-Восточный Кавказ (в данной статье под Северо-Восточным Кавказом подразумеваются территории, входившие в состав Дагестанской и восточной части Терской областей – Кизлярский и Сунженский отделы, Хасавюртовский, Грозненский и часть Владикавказского округов) сразу оказался вовлечен

в водоворот событий. На территории, представлявшей собой обильную чересполосицу земель горских и кочевых общин, юрты казачьих станиц, наделы русских крестьян и немецких колонистов, вспыхнул ряд вооруженных конфликтов, обостренных не только социальными, но и национальными противоречиями. Различные политические и на-

циональные силы создавали здесь свои государственные образования и военные формирования, которые боролись между собой или объединялись в новые союзы. Поддержка национальных общин, особенно в начале Гражданской войны, могла иметь ключевое значение для победы той или иной стороны. Например, при разгроме Терского восстания (Бичераховщины) в ноябре 1918 г. ключевую роль сыграла 1-я Ударная Советская Шариатская колонна, сформированная из кабардинцев и осетин-кержмента. Свою лепту в поражение мятежников внесла Чеченская Красная армия, объединенная вокруг красногвардейцев Н. Ф. Гикало, которая успешно отражала атаки казаков на Грозный, воспрепятствовав тем самым объединению войск братьев Бичераховых [1, с. 54-55].

Неудивительно, что лидеры контрреволюции Вооруженных сил на Юге России (далее – ВСЮР) стремились привлечь на свою сторону национальные меньшинства, в том числе и на Северо-Восточном Кавказе, и предоставляли им возможность несения военной службы в составе национальных военных формирований. Поскольку в советской историографии превалировало мнение, что лагерь контрреволюции «не заслуживает внимания исследователей» [2, с. 26], то история и боевой путь этих национальных частей и поныне остаются одним из самых крупных «белых пятен» истории Гражданской войны. Сразу оговоримся, что в официальных документах ВСЮР понятия «национальные части и соединения» отсутствуют, и этот термин мы применяем условно, считая национальными те части и соединения, которые как минимум на три четверти комплектовались из представителей нерусских национальностей, как это было принято при формировании национальных соединений РККА в 1941 – 1942 гг.

Горцы и степняки – прирожденные кавалеристы – «с молодых ногтей» умели обращаться с конем и холодным оружием, поэтому их привлекали в основном в конницу. Следует учесть, что технические и артиллерийские части и подразделения в таких дивизиях комплектовались в основном из опытных и обученных бойцов, как правило, из числа славянских народов. Предусматривались проекты создания национальных батарей и других подразделений, но они в основном остались на бумаге.

Поскольку наступление Добровольческой армии шло с запада на восток, то первыми из народов Северо-Восточного Кавказа в сферу влияния денкинцев попали осетины. Еще летом – осенью 1918 г. осетины принимали участие в Терском восстании. Достаточно указать, что военное руководство «бичераховцами» осуществлял осетин генерал-майор Эльмурза Мистулов (до ноября 1918 г.) [3, с. 555]. В сентябре часть мятежников, в том числе группа осетин, под руководством ка-

бардинца З. А. Даутокова пробралась через горы на соединение с повстанцами А. Г. Шкуро в Баталпашинский отдел Кубанской области.

12 сентября 1918 г. Шкуро сформировал 1-ю Туземную горскую дивизию, в составе которой наряду с Кабардинскими, Черкесскими и Карачаевским полками был и Осетинский конный дивизион [4, с. 172]. Это было первое национальное соединение в составе Добровольческой армии, название которого должно было напоминать о подвигах прославившейся в Первую мировую войну 1-й Кавказской туземной (Дикой) дивизии. Позже в составе этого соединения появилась 1-я Дагестанская конная сотня. В октябре Туземная горская дивизия вместе с остальными «шкуринцами» соединилась с основными силами Добровольческой армии. Хотя основу дивизии (вскоре переименованной в Черкесскую) составляли Карачаевский и 4 Черкесских полка, в ее составе продолжали числиться небольшие подразделения – Осетинский дивизион, Абазинская и Дагестанская сотни [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 11-15об.]. К концу 1918 г. в составе 1-го Осетинского конного дивизиона числилось 112 сабель [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 14об., 28]. В оперативных расписаниях белогвардейцев этот дивизион числился до февраля 1919 г.

После поражения Терского восстания часть мятежников, в том числе осетины, пробрались через Кабарду на соединение с 3-м армейским корпусом Добровольческой армии. С ноября 1918 г. по январь 1919 г. в расписании этого объединения числился Терский Осетинский дивизион (163 сабли) [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 14об., 28].

Помимо двух дивизионов и сотни, в Добровольческой армии у белогвардейцев были и другие национальные подразделения, например в составе войск Л. Ф. Бичерахова (осетина по происхождению), который сформировал отряды из осетин и дагестанцев в Порт-Петровском. Даже в апреле 1919 г. в Прикаспийском отряде генерала Пржевальского в Баку числился Осетинский пехотный батальон [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 15].

В конце 1918 – начале 1919 гг. в результате удачных операций весь Северо-Восточный Кавказ оказался под контролем Добровольческой армии. В ее рядах в этот период нес службу ряд генералов и офицеров из числа горцев (генерал от артиллерии Эрис-хан Алиев, бывший командир Туземного конного корпуса генерал-лейтенант Дмитрий Абациев, полковник Арслан-Бек Котиев, полковник Нух-Бек Шамхал Тарковский и др.), которые стали занимать руководящие посты в создаваемых местных национальных администрациях. Они, как и другие офицеры бывшего Туземного конного корпуса, выступили с инициативой создания мононациональных горских соединений. В планах белогвардейцев к концу 1918 г. значилось

уже 6 конных дивизий (Черкесская, Кабардинская, Осетинская, Ингушская, Чеченская, Дагестанская) и 4 пешие бригады (Осетинская, Ингушская, Чеченская и Дагестанская) [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 95-98об.]. Кроме того, на Ставропольщине действовал Инородческий полк, в составе которого несли службу тюрки-кочевники – ногайцы и туркмены [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 17об.].

В дальнейшем историю национальных частей мы рассмотрим по отдельным соединениям.

Осетинская конная дивизия. В начале 1919 г., после перехода Осетии под контроль белогвардейцев, Шкуро приступил к формированию Осетинской конной бригады [4, с. 204]. 20 февраля 1919 г. был отдан приказ о формировании 1, 2, 3 и 4-го Осетинских конных полков, а 1 апреля бригада была переименована в дивизию. Одновременно началось формирование Осетинской пешей бригады. Однако темпы формирования были довольно низкими. Например, в сводках командования за февраль 1919 г. сообщалось, что 1 и 2-й Осетинские конные полки «почти готовы», но в сводках за 5 апреля видно, что в 1-м полку было всего 214 сабель с 4 пулеметами, а во 2-м – 243 сабли с 1 пулеметом, причем последнюю часть пришлось временно распустить по домам [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 14об.]. 3-й Осетинский полк, к тому времени вошедший в сводно-горскую дивизию, был отправлен на фронт, но в том соединении он являлся самым «слабым звеном»; его доля в личном составе дивизии не превышала и 10 % [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 15об.]. Несмотря на то, что в Императорской армии (и, соответственно, в белой) служило немало офицеров-осетин, соединение в течение долгого времени оставалось без командира. Только весной 1919 г. Осетинскую дивизию возглавил полковник Н. А. Эммануэль.

В этот период соединение, числившееся в составе войск Терско-Дагестанского края, было переброшено на астраханское направление. 1-я бригада вошла в Свято-Крестовскую группу Астраханского отряда, а еще один Осетинский дивизион – в Приморскую группу того же отряда [5, с. 303]. К июню 1919 г. в 3 полках (без 3-го полка, сражавшегося под Царицыном) числилось 1200 сабель с 8 пулеметами. При этом вне дивизии действовали отдельные Осетинский (95 сабель и 1 пулемет) и Кубанский Осетинский (160 сабель) дивизионы [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 194]. Несмотря на все усилия отряда Д.П. Драценко, Астрахань взять не удалось.

К осени 1919 г. численность соединения Эммануэля сократилась до 600 сабель с 21 пулеметом (без учета 3-го полка). В боях с Экспедиционным корпусом 11-й армии Свято-Крестовская группа потерпела поражение и отошла в Грузию, где была интернирована. Вместе с нею туда отступила и Осетинская конная дивизия в составе 1, 2 и 4-го

полков. 3-й Осетинский конный полк в августе покинул сводно-горскую дивизию и был переброшен на запад, за Днепр. 2 марта 1920 г. эта часть была свернута в Сводный Осетинский дивизион и под командованием полковника М. А. Джагинова выступила в Бредовский поход. После эвакуации отряда в Крым летом 1920 г. никаких следов этого дивизиона найти не удалось. Впрочем, известно, что 28 апреля 1920 г. Осетинский конный дивизион был среди частей, вошедших в состав 1-го Туземного полка [3, с. 379-380, 420]. Приказ № 3139 от 6 мая 1920 г. констатировал ликвидацию Осетинской конной дивизии, четырех Осетинских полков, трех батальонов и одной сотни [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 181. Л. 240-240об.].

Ингушская и дагестанская конные бригады в составе сводно-горской дивизии. После поражения 11 и 12-й армии в феврале 1919 г. было предложено начать формирование Дагестанских конной дивизии и пешей бригады. Ингушетия в то время некоторыми белогвардейцами оценивалась как «целиком большевистская» [4, с. 203], но аналогичное предложение было выдвинуто и в адрес ингушей. К февралю 1919 г. в сводках сообщалось, что 1 и 2-й Ингушские полки «почти готовы». В марте 1919 г. 1-й Ингушский полк (390 сабель) предполагалось вывести из Назрани в Великокняжескую для передачи в состав сводно-горской дивизии, но этому что-то помешало. Летом 1919 г. численность Ингушской бригады полковника А.-Б. Б. Котиева достигла 1100 сабель. В Дагестанской бригаде в то же время числилось 850 сабель с 10 пулеметами [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 203об.]. Только в августе 1919 г. обе конные бригады перебрали на фронт, в состав сводно-горской дивизии.

Это соединение, сформированное в марте 1919 г., должно было состоять из 4 полков разных национальностей: 1-го Ингушского, 2-го Кабардинского, 3-го Осетинского и Карачаевского. Однако Ингушский полк, как уже говорилось, вошел в состав соединения спустя почти полгода. К тому времени части дивизии, сражавшейся в Сводном и 4-м конном корпусах на царицынском направлении, понесли тяжелые потери и требовали доукомплектования. 2-й Кабардинский полк с 2-м конно-артиллерийским дивизионом был передан в соседнюю Кабардинскую дивизию. Предполагалось, что оставшиеся полки-«ветераны» (3-й Осетинский и Карачаевский) составят 1-ю бригаду, ингушские части – 2-ю, а дагестанские части – 3-ю. Однако 1-ю бригаду сразу «раздергали»: Карачаевский полк, убывший на доукомплектование, вскоре вернули в Черкесскую дивизию, а 3-й Осетинский вообще перевели на Украину. Фактически в соединении оказались две бригады новобранцев, не готовых к тяжелым боям. В частях началось дезертирство, даже дальний путь через незнакомую местность не пугал беглецов. К октябрю 1919 г. в

дивизии не осталось даже и 450 сабель [3, с. 495]. Боеспособность такого соединения была невысокой, в описаниях операций конца 1919 – начала 1920 г. сводно-горская дивизия почти не упоминается. Как и в других случаях, приказ № 3139 от 6 мая 1920 г. лишь констатировал исчезновение соединения и всех полков.

Чеченские и кумыкские части. Предложение о формировании Чеченской конной дивизии из 4 чеченских полков было выдвинуто в начале 1919 г. Ее первым начдивом стал полковник Н. Ф. О’Рем, начальником штаба – полковник Маас. Однако формирование соединения шло медленными темпами. Имели место случаи дезертирства или неявки «джигитов», не желавших служить в белой армии. Тем не менее, в апреле 1919 г. дивизию решили перевести в новый район формирования – г. Святой Крест. В течение двух недель соединение из трех полков с 818 «джигитами» завершило переброску, хотя не обошлось без инцидентов: перестрелка с ингушами, столкновения с казаками на почве обоюдного конокрадства, жалобы местных жителей на грабежи и изнасилования [РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 6. Л. 47-48, 62]. В составе дивизии формировался и 4-й Чеченский полк (формально с 1 апреля). 18 мая в состав дивизии вошел еще один полк – Кумыкский (ком. – полковник Волшанский).

31 мая командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал И. Г. Эрдели включил Чеченскую конную дивизию в состав Свято-Крестовской группы Астраханского отряда. В первых боях чеченцы и кумыки не раз отличились в боях с красными, что неоднократно отмечал новый начдив – генерал А. П. Ревшин (бывший командир Крымского конного полка). Однако и здесь начались инциденты с местным населением, жаловавшимся на постоянные «реквизиции». После одной из таких жалоб Драценко предал суду военного трибунала группу кумыков во главе с корнетом бароном фон Менгденом, но они были оправданы. Хотя ни один из полков Чеченской дивизии полностью не укомплектовали, численность соединения была высокой. Например, по данным на 18 августа 1919 г. в составе Кумыкского полка находились 631 «всадник», 1-го Чеченского – 702, а трех других – 842 (всего почти 2,2 тыс. сабель) [РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 11. Л. 30]. Ни одна из национальных дивизий не могла сравниться с этим соединением по численности. Однако во всех полках не хватало большого количества вооружения и амуниции, у многих не было обуви.

В августе 1919 г. полковник О’Рем, формировавший в Чечне 5 и 6-й Чеченские полки, заявил о скором завершении комплектования частей. Эти полки предполагалось перебросить в Закаспийскую область. Однако начавшееся движение Узунхаджи (сподвижника Шамиля, поддержанного большевиками Н. Катхановым, Н. Гикало и А. Ше-

риповым) сорвало планы белогвардейцев. Услышав о восстании на родине, многие чеченцы и кумыки стали дезертировать. К 3 сентября числилось уже 140 дезертиров. Опасаясь развала соединения, Ревшин настоял на переброске Чеченской дивизии в тыловой район Добровольческой армии (Купянск – Изюм), где она вступила в бои с повстанцами Н.И. Махно. В ноябре 1919 г. для восполнения потерь начдив приказал произвести в Крыму набор добровольцев, в том числе и крымских татар-мусульман. Однако эти наборы не восполнили потери, и после отступления в Крым 15 марта 1920 г. Чеченская дивизия была сведена в Крымскую конную бригаду. Один из полков, укомплектованный местными уроженцами, преобразовали в Таврический полк, остальные свели в Чеченский полк. 28 апреля 1920 г. Чеченский полк был обращен на формирование 1-го Туземного полка [3, с. 420, 626].

Подразделения ставропольских туркмен и ногайцев. Как уже упоминалось, осенью 1918 г. из инородцев Ставропольской губернии (ставропольских туркмен, ногайцев и большедербетовских калмыков) стал формироваться Инородческий полк; позже калмыков выделили в отдельный дивизион.

Несмотря на малочисленность, в октябре часть была включена в состав 4-й дивизии и приняла участие в боях на ставропольском направлении. Лишь к началу декабря, когда в Инородческом полку осталась 41 сабля [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 17об.], его передали в распоряжение Ставропольского военного губернатора генерал-майора П. В. Глазенапа, который использовал часть для несения охраны правопорядка. К началу 1919 г. в Инородческом полку было 120 конников и 300 пехотинцев с 4 пулеметами [РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 30]. Однако к весне численность этой части вновь сократилась до минимума (до 65 – 70 сабель). Дальнейший боевой путь этого полка до августа точно установить не удалось. Из оперативного расписания ВСЮР эта часть исчезает. Известно, что в составе Войск Закаспийской области существовал некий Инородческий полк. С. В. Волков указал даже имена их командиров (до 4 апреля 1919 г. полковник Кушелев, после – полковник Горбатовский) [3, с. 227], но уверенно говорить, что это одна и та же часть, мы не можем. С 3 августа 1-й Инородческий полк вошел в состав 1-й Астраханской казачьей дивизии. По данным советской разведки, этот полк был наиболее многочисленным в этом соединении (к концу 1919 г. – 300 сабель и 6 пулеметов) [РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 30]. Он прошел оставшийся боевой путь вместе с астраханцами, после эвакуации в Крым был свернут в дивизион [6, с. 38].

В составе частей ВСЮР несли службу и другие ногайские подразделения. Например, в составе 5-го Александрийского гусарского полка, который

развернули в Грозном в июле 1919 г., помимо двух калмыцких эскадронов, было два эскадрона, укомплектованных ногайцами [7, с. 102]. Боевой путь этой части был не очень долгим. Летом 1919 г. 5-й гусарский полк принимал активное участие в подавлении восстания в Чечне. Позже он был переброшен на реку Куму, где обеспечивал связь между Астраханским отрядом генерала Д. П. Драценко и партизанами нойона С.-Д. Б. Тюменя. 6 января 1920 г. при отступлении через г. Святой Крест александрийские гусары были разгромлены частями 11-й армии. В ходе боя многие гусары сдались в плен, в том числе несколько взводов. В результате этого 5-й Александрийский полк был сведен в два эскадрона (дивизион), которые через Грузию эвакуировали в Крым. 16 апреля 1920 г. он вошел в состав 1-го кавполка [3, с. 454], но национальных подразделений в его составе уже не было.

Анализируя действия этих национальных частей и соединений, мы должны признать, что за редким исключением они были не очень эффективными. Этому способствовал целый ряд факторов, как политических, так и сугубо технических. Если рассматривать технические проблемы, то тут следует отметить слабую работу тыла. Как правило, основными причинами медленного формирования этих частей была вовсе не нехватка «джигитов», а недостаток вооружения, денег и командного состава, владеющего языком подчиненных. Вызывают вопросы принципы отбора таких командиров, как Эммануэль, О'Рем, Маас, фон Менгден и др., ведь в составе Императорской армии было немало офицеров из числа осетин, вайнахов и дагестанцев. Часто при анализе донесений командиров видно, что у бойцов не доставало самого элементарного – обуви и одежды. Но все-таки главным фактором неуспешной деятельности национальных частей следует признать негибкую и нетерпимую к возможным проявлениям автономизации национальную политику. Руководство Белого движения не смогло заинтересовать

представителей национальной интеллигенции, привлечь их на свою сторону. Случаи перехода национальных меньшинств на сторону белых имели место в основном в первый год войны и, как правило, были спровоцированы красным террором или перегибами в политике Советов на местах. Репрессии белых отнюдь не улучшили положение дел. Неслучайно дагестанский большевик М. Кундухов писал: «Население ждет истинного порядка и культуры... Большевизм становится чуть ли не религией бедняков» [цит. по: 8, с. 232]. В горах в 1919 – 1920 гг. продолжали действовать отряды большевиков Н. Ф. Гикало, Б. Шеболдаева, А. Шерипова, Б. Калмыкова, Х. Кошокова, Н. Катханова, Арцханова, Тогоева и т. д. На территории горного Дагестана и Чечни вспыхнули мятежи религиозных лидеров – Али-хаджи Акушинского, Узун-хаджи и др., поддержанных местными большевиками. Неудивительно, что в 1919 г. национальные меньшинства в большинстве своем отказались от поддержки белогвардейцев, а национальные соединения в скором времени распались из-за недостатка пополнений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007.
2. Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М. «Белое дело» в литературе и источниках: историография исследования проблем белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.). М., 2001.
3. Волков С.В. Белое движение: энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
4. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 2004.
5. Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998.
6. Донсков. В Тавриде... // Улан Залата. №1. С. 38.
7. Вахрушев П. Александрийские гусары в бою за Св. Крест 6 января 1920 г. // Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на Юге России. М., 2002.
8. Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

ББК 63.3(2)615

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Е.Н. Бадмаева

В статье рассматривается раскулачивание калмыцкого крестьянства в период сплошной коллективизации в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Ключевые слова: *калмыцкое крестьянство, коллективизация, кулаки, Калмыцкая автономная область, крестьянское хозяйство, конфискация, выселение.*

The article deals with the dispossession of the Kulaks in Kalmykia at the end of the 1920th and in the beginning of 1930th.

Keywords: *the Kalmyk peasantry, collectivization, the Kulaks, Kalmykia, collective farm, confiscation, deportation.*